

В. Перри-Фогг

**Путешествие по Египту,
Аравии, Малой Азии и
Персии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В. Перри-Фогг
В11 Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии / В. Перри-Фогг – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 293 с.

ISBN 978-5-458-00769-6

В. Перри-Фогг, Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии.
Перевод с английского. Под редакцией В. Ранцева. Спб., издание редакции
журнала «Русских и переводных романов и путешествий», 1876.

ISBN 978-5-458-00769-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ Тулонѣ, гдѣ я останавливался на нѣсколько часовъ, улицы кишатъ солдатами и офицерами въ самыхъ блестящихъ мундирахъ. Въ особенности заинтересовали меня два молодыхъ офицера, въ сапогахъ со шпорами, но служившихъ, повидимому, во флотѣ, такъ какъ на воротникѣ и обшлагахъ ихъ были вышиты якоря. Шпоры эти меня сильно озадачили и я обратился за разъясненіемъ къ стоявшему по сосѣдству жандарму, но къ сожалѣнію забылъ, какъ называются шпоры по-французски и потому долженъ былъ довольствоваться подтвержденіемъ того, что офицеры дѣйствительно моряки. Зачѣмъ же имъ въ такомъ случаѣ шпоры?

Отъ Марсели до Ниццы, линія желѣзной дороги проходитъ извиваясь вдоль берега, по мѣстности, представляющей собою настоящій садъ. Справа сверкаетъ облитое солнечнымъ сіяніемъ, голубое Средиземное море; съ лѣвой, горизонтъ окаймляется снѣжными вершинами приморскихъ Альпъ. Всѣ покатоcти холмовъ покрыты виноградниками, повсюду разбросаны оливковыя рощи, отъ темнозеленой листвы которыхъ рѣзко отдѣляются уже созрѣвающія раннія сливы. Мѣстами встрѣчаются хорошенькія виллы, утопающія въ зелени апельсиновыхъ рощъ, окруженныя садами полными цвѣтущихъ розъ. Для прїѣзжаго съ холоднаго сѣвера, на поискахъ за лучами зимняго солнца, картина эта представляетъ особенную прелесть. Въ Ниццѣ останавливался я всего на одинъ день. Эта громадная европейская лечебница, повидимому, состоитъ вся изъ отелей и меблированныхъ комнатъ для прїѣзжающихъ. Впрочемъ, въ разгаръ сезона всѣ мѣстности, куда собирается много народу на воды, производятъ подобное же впечатлѣніе. Въ окнахъ магазинововъ выставлено множество блестящихъ бездѣлушекъ, которыя здѣсь расходятся, хотя на родинѣ навѣрное ихъ бы никто не купилъ. На слѣдующее утро, собираясь отправиться въ Геную, отстоящую отъ Ниццы на 120 миль, и садясь уже въ экипажъ, чтобы ѣхать на вокзалъ желѣзной дороги, я спросилъ у швейцара, въ которомъ часу поѣздъ придетъ къ мѣсту назначенія? Онъ сообщилъ, что близъ

С. Режо обрушился одинъ изъ сотенъ туннелей, по которымъ проходить дорога на этомъ, сравнительно короткомъ разстояніи, и что поэтому приходится пересаживаться и ѣхать часть пути на лошадяхъ. Узнавъ, что пароходъ, отправляющійся въ то же утро, приходитъ въ Геную вечеромъ, я отъѣхалъ отъ данное возницѣ предписаніе везти меня на вокзалъ и приказалъ ѣхать на пристань. Измѣненіе оказалось весьма удачно: въ записной книжкѣ листокъ, соответствующій этому дню, остался почти безъ помѣтокъ. Впечатлѣнія были такъ сильны, что ихъ незачѣмъ было и записывать; еще и теперь они остались совершенно свѣжи и ясны въ памяти. Небо, воздухъ и море вполне гармонировали другъ съ другомъ. Атмосфера была такъ чиста, что съ французскаго берега можно было видѣть островъ Корсику, а въ концѣ генваря это бываетъ очень рѣдко. Корсика, надо замѣтить, находится отъ берега въ разстояніи почти ста миль, а вершины ея горъ, поднимающіяся на 8 тысячъ фут. надъ поверхностью моря, удалены отъ берега Франціи почти на 120 миль.

На нашемъ маленькомъ пароходѣ, называвшемся „Князь Монако“, ѣхало около тридцати пассажировъ, почти всѣ французы и и итальянцы. Одинъ изъ пассажировъ, слегка похोдившій на англичанина, привлекъ на себя мое вниманіе: онъ повидимому также горѣлъ нетерпѣніемъ заговорить со мною. Мы обратились одновременно другъ къ другу съ вопросомъ: „Monsieur, parlez-vous anglais?“ (не говорите ли вы по-английски?) Онъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ, путешествовалъ по всей Америкѣ, срисовывая ея виды, на всемъ протяженіи отъ архипелага тысячи острововъ до скалистыхъ горъ. И теперь на пароходѣ карандашъ его былъ постоянно въ ходу и я завидовалъ чудной легкости, съ которой онъ переносилъ нѣсколькими штрихами на бумагу разстилавшіяся передъ нами чудные виды.

Отроги приморскихъ Альпъ далеко выходятъ въ море смѣлыми скалистыми мысами, охватывая своими вѣтвями прелестные городки

и деревни, изъ которыхъ одни какъ-бы купаются въ серебряныхъ волнахъ, другіе-же поднимаются амфитеатромъ по склонамъ горъ. Мѣстами на вершинѣ утеса, омываемаго моремъ, видны развалины древняго храма или замка. Далѣе идутъ цѣлыми рядами мраморныя паллацо и виллы, разрисованныя альфреско, окруженныя виноградниками и рощами апельсинныхъ деревь. Мы прошли мимо городковъ Ментоне, С. Ремо и Вентимилли и мимо деревни Бордигьеры, церковь которой окружена пальмовыми деревьями.

Уже нѣсколько вѣковъ какъ жители этой деревни владѣли монополіей поставлять пальмовыя вѣтви въ Римъ къ вербному восресенію. Теперь монополія эта уже давно отмѣнена; но для меня деревня представляла особый интересъ, какъ сцена, на которой разыгрывается начало прелестной новеллы „Докторъ Антоніо“. Вдоль берега, слѣдуя за вѣтми его извилинами, проходитъ знаменитая Route de Corniche (дорога по карнизу). Мѣстами она идетъ почти на одномъ уровнѣ съ моремъ, мѣстами-же взбирается на страшныя крутизны, по узенькому уступу, вырубленному въ скалѣ. Желѣзная дорога идетъ также почти по самому берегу и съ парохода видно, какъ цѣлый поѣздъ вагоновъ вдругъ какъ-бы пропадаетъ въ утесахъ и затѣмъ выходя изъ туннеля, перелетаетъ долину по мосту, опирающемуся на каменныхъ аркахъ.

Природа и искусство соединились, чтобы придать болѣе великолѣпія и безъ того уже величественной панорамѣ. На переднемъ планѣ море, на заднемъ Альпы, а надъ всѣмъ разстилается чудное итальянское небо. Когда мы прибыли въ Геную было уже темно. Мы помѣстились въ паллацо, принадлежавшемъ одной изъ древнихъ фамилій тамошнихъ купцовъ-аристократовъ. Паллацо это преобразовалось теперь въ гостиницу для проѣзжающихъ. На другой день мы осматривали два или три замѣчательныхъ паллацо, нѣсколько старинныхъ церквей и Кампо Санто. Это послѣднее, хотя оно обитаемо одними лишь мертвецами, оказалось болѣе интереснымъ. Мы заставили также чичероне показать намъ статую и древнія рукописи Христофора Колумба.

Изъ Генуи дорога идетъ черезъ Ливорно—знаменитое издѣліями изъ плетеной соломѣ, въ Пизу, гдѣ обязательно для каждаго туриста взобраться по ступенямъ винтовой каменной лѣстницы на самый верхъ наклонной башни, для того, чтобы въ нѣкоторомъ родѣ составить естественное ея продолженіе. Оттуда отправились въ Неаполь, съ его Везувіемъ, Помпеей, Соренто и голубыми гротами острова Капри. Неаполитанскій заливъ очарователенъ. Лазарони въ красныхъ колпакахъ и тряпкахъ, поѣдающіе длиннѣйшіе макароны—также живописны; но все же неаполитанцы страшные лжецы, какъ это впрочемъ вошло уже и въ пословицу. Всякій годъ, около этого времени, они распускаютъ слухи о томъ, что старикъ Везувій ворчитъ и страшно дымится—явно предвѣщая страшную катастрофу. Я еще въ Лондонѣ слышалъ, что изодня въ день ожидается сильное изверженіе и рассчитывалъ по меньшей мѣрѣ увидѣть какъ растопленная лава стремится внизъ по склонамъ горы. Ничего подобнаго на дѣлѣ не оказалось. Мы пріѣхали въ городъ ночью и кромѣ городскихъ фонарей и звѣздъ на небѣ, никакихъ огней, при всемъ желаніи, замѣтить не могли. Старый вулканъ держалъ себя совершенно спокойно и днемъ надъ нимъ виднѣлось лишь легкое облако дыму. О представленіи давно уже было заявлено, но главный актеръ не выказывалъ желанія начинать дѣйствіе. Цѣлыя сотни иностранцевъ, собравшіеся присутствовать при изверженіи, переполняютъ отели, подаютъ милостыни нищимъ, покупаютъ кораллы и помпейскія древности, что оживляетъ дѣла, къ великому удовольствію и счастью неаполитанцевъ.

Пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Неаполемъ и Александріей, проходятъ на второй день пути сквозъ узкій проливъ, отдѣляющій островъ Сицилію отъ материка и останавливаются на нѣсколько часовъ въ старинномъ сицилійскомъ городѣ—Мессинѣ.

Сходимъ на берегъ, чтобы передать послѣднія наши письма въ Европу. Со стороны залива городъ имѣетъ весьма величественный видъ: онъ расположенъ полуостровомъ; на заднемъ планѣ поднимаются

амфитеатромъ холмы, увѣнчанные виноградниками и апельсинными рощами. Дома построены изъ бѣлаго известняка, главныя улицы мощены квадратными плитами лавы.

Единственное почтовое учрежденіе этого города, обладающаго полторастотысячнымъ населеніемъ, замѣчательно патриархальной простотой. Оно состоитъ изъ одного окна, открывающагося на улицу, изъ котораго продаются толпѣ почтовые марки и сообщаются справки о письмахъ. Рядомъ въ стѣнѣ имѣется отверстіе для опусканія писемъ. Отъ почтамта мы отправились въ древній соборъ, построенный еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, для того, чтобы посмотреть, если можно, на чудотворную святыню, въ подлинности которой жители Мессины повидимому, не сомнѣваются. Это ни болѣе ни менѣе какъ письмо, написанное якобы собственноручно Дѣвой Маріей, въ которомъ Она посылаетъ съ подателемъ письма еще и локонъ собственныхъ волосъ. Какъ и можно было ожидать, эту замѣчательную святыню видѣть намъ не удалось. Патеры или не могли разобратъ ломанаго итальянскаго языка, на которомъ мы выражались, или же просто заподозрили въ насъ невѣрующихъ еретиковъ „Anglese“.

Впрочемъ рыночная площадь вознаградила насъ за все. Какіе тамъ прелестные апельсины, по четыре за пенсъ (двѣ съ половиной копѣйки). На два шиллинга можно было купить цѣлую корзину, и лодей, отвозившей насъ на пароходъ, пришлось набрать съ собою цѣлый грузъ апельсиновъ. Выходя изъ Мессинскаго пролива, мы видѣли на итальянскомъ берегу небольшой бѣлый памятникъ, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ Гарibaldi, высадившись на берегъ съ небольшой партией волонтеровъ, положилъ начало революціи, свергнувшей Бурбонъ съ неаполитанскаго трона. Далекю на правой сторонѣ, ближе къ срединѣ острова, можно было различить вершину Этны, поднимающуюся около одиннадцати тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

Расстояніе отъ Мессины до Александріи — около восьмисотъ пятидесяти миль — обыкновенно проходитъ пароходомъ въ четыре дня.

Прямой курсъ идетъ пятидесятью милями западнѣе берега острова Кандіи или Крита, съ которымъ намъ пришлось, противъ желанія, познакомиться. Нашъ пароходъ „Сицилія“ былъ отличное судно, построенное въ Шотландіи изъ желѣза, вмѣстимостью приблизительно въ восемьсотъ тоннъ и принадлежало итальянскому обществу „Rubatino“, служащіе котораго пользуются репутаціей искусныхъ моряковъ и настоящихъ джентльменовъ.

Три года тому назадъ, мнѣ пришлось плыть изъ Бомбея въ Суецъ на пароходъ этого общества и я остался тогда очень доволенъ. Когда мы въ понедѣльникъ послѣ обѣда выходили изъ Мессинскаго пролива, было сильное волненіе и дулъ крѣпкій вѣтеръ съ югозапада. Пассажировъ было всего восемь человекъ и всѣ, за исключеніемъ меня, англичане. Мы скоро сошлись. Тутъ были ѣхавшіе въ Египетъ, художникъ съ женою (единственной дамой на пароходѣ) и четыре англичанина, отправлявшіеся въ Индію, въ томъ числѣ духовное лицо, ѣхавшее въ качествѣ гувернера при восемнадцатилѣтнемъ юношѣ, миломъ, добросердечномъ, веселомъ мальчикѣ, котораго ни за что на свѣтѣ нельзя было заставить сидѣть покойно. Въ самомъ непродолжительномъ времени онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ и не прошло еще и двухъ дней, какъ всѣ уже называли его по-просту „Томомъ“. Остальные пассажиры были: я и молодой англійскій купецъ, ѣхавшій въ Багдадъ.

Во вторникъ вѣтеръ усилился, но серьезной опасности еще не было. У Тома былъ волчій аппетитъ, и несмотря на бурю, онъ разгуливалъ по палубѣ, покуривая свою трубку. Нашъ капитанъ не могъ удержаться отъ смѣха, когда Томъ, желая получить отъ буфетчика вианныхъ ягодъ (фигъ), кричалъ ему: „anchore du figaro“ (Фигаро—Севильскій цирюльникъ).

Втеченіе первыхъ двухъ дней Томъ стрѣлялъ изъ своего револьвера по чайкамъ, но потомъ долженъ былъ перестать, чтобы не раздражить суевѣрныхъ итальянскихъ матросовъ. Въ ночь на среду буря разыгралась вполне и, въ продолженіи нѣсколькихъ ча-

совъ, дулъ настоящій ураганъ. Мы были тогда неподалеку отъ Крита и насъ несло вѣтромъ прямо къ берегу. Уже цѣлыя сутки, какъ вслѣдствіе сильнаго волненія, нельзя было изготовить ничего порядочнаго и даже усѣсться за столъ, чтобы пообѣдать. Маленькій пароходъ нашъ страшно нырялъ и качался со стороны въ сторону; цѣлую ночь мы просидѣли въ каютѣ на полу, обложивъ себя подушками и тюфяками; стулья, чемоданы и пассажирскій багажъ—все было разбросано въ самомъ дикомъ безпорядкѣ. Машинисту было поручено держать въ котлѣ высшее, допускаемое инструкціей, давленіе. Весь пароходъ дрожалъ и, казалось, обратился въ живое существо, напрягающее всѣ свои нервы, чтобы спастись отъ гибели. Достаточно было легкаго поврежденія въ механизмъ—и никакая человѣческая сила не могла бы предохранить насъ отъ крушенія на томъ самомъ скалистомъ берегу, который восемнадцать вѣковъ тому назадъ оказался столь негостепримнымъ для святаго апостола Павла. Тутъ не помогли бы никакіе спасительные пояса, при такомъ волненіи никакая лодка не устояла бы даже и минуты. Отъ времени до времени мы по очередно поднимались по лѣстницѣ чтобы осмотрѣться, но никто не могъ удержаться на палубѣ. Художникъ, человѣкъ весьма смѣлаго и сангвиническаго темперамента, возвращаясь съ такой рекогносцировки, всегда сообщалъ намъ что-нибудь утѣшительное, но разъ, когда ураганъ достигъ полной своей силы, онъ пришелъ назадъ и молча усѣлся около своей жены (которая держала себя очень спокойно) и взялъ ее за руку. Она же склонила свою голову ему на плечо. Я заключилъ, что положеніе наше дѣйствительно критическое. Послѣдніе полчаса несчастныхъ пассажировъ „Ville du Havre“ живо промелькнули у меня въ памяти и я пожелалъ отъ души, чтобы весь Египетъ, съ Ниломъ и хедивомъ вмѣстѣ были бы на днѣ Чернаго моря въ сообществѣ Фараона и его колесницъ.

Мы старались держаться противъ вѣтра и обойти вокругъ сѣверной оконечности Крита, чтобы укрыться за островомъ. Если

машина устоять въ втеченіи часа или двухъ, то мы спасены. Капитанъ разсказывалъ потомъ, что, въ продолженіи этихъ двухъ часовъ волосы у него стояли дыбомъ. Какъ-разъ въ это самое время неисправимый Томъ заявилъ, что онъ страшно голоденъ и потребовалъ, чтобъ ему дали хоть хлѣба съ сыромъ. Мысль объ ѣдѣ, такъ сказать передъ лицомъ смерти, показала намъ настолько забавною, что вывела всѣхъ изъ состоянія нравственнаго напряженія, въ которомъ мы за послѣднее время находились. Пароходъ нашъ постоялъ за себя, и незадолго до разсвѣта намъ удалось обогнуть сѣверный мысъ Кандіи, за которымъ море было уже спокойнѣе. Капитанъ спустился къ намъ въ каюту въ донельзя замаслянномъ скруткѣ и прыгая отъ радости, сказалъ по итальянски (въ эту минуту онъ, вѣроятно, забылъ по англійски), что мы въ безопасности. На этотъ разъ переводчика не потребовалось. Мы всѣ собрались вокругъ капитана и встрѣтили его прыжки общимъ браво, болѣе радушнымъ, чѣмъ тѣ браво, которыми когда-либо встрѣчали соотечественника его Маріо на сценѣ. Въ четвергъ мы шли вдоль восточнаго берега Крита, защищаясь отъ бури высокими его утесами. Слѣдующіе за тѣмъ два дня волненіе было еще весьма сильное, но все же значительно слабѣе, чѣмъ прежде. Въ субботу мы благополучно достигли Александріи и тамъ узнали, что во время бури, отъ которой мы такъ дешево отдѣлались, погибло много судовъ. Въ гавани мы пересѣли съ парохода на лодку, въ которой гребцами были полунагіе арабы, и простились съ „Сициліей“ и ея капитаномъ троекратномъ ура. Капитанъ и его помощники махали намъ въ отвѣтъ съ палубы шляпами и кричали „аддіо“.

Глава II.

Изъ Александріи въ Каиръ.

Сцены въ Александріи.—Помпеева колонна и игли Клеопатры.—Вверхъ по Нилу.—Корабли пустыни.—Цивилизація въ Египтѣ.—Свадьба египетской принцессы и праздники по этому поводу.—Исторія невѣсты.—Какъ дѣвушка-невольница сдѣлалась принцессой.—Экспедиція въ Сахару уже отправилась.—Экспедиція Самуила Беккера не увѣчалась успѣхомъ.—Переѣзна программы. вмѣсто центральной Африки—въ Багдадъ и Персію.

Александрія, основанная болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Александромъ Македонскимъ, представляетъ собою смѣшеніе восточнаго и европейскаго, гдѣ парижскія шляпы ведутъ съ мусульманскими тюрбанами борьбу за преобладаніе. Нигдѣ, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ земного шара, нельзя встрѣтить такого шаривари костюмовъ и національностей, какъ въ улицахъ этого города. Впрочемъ, путешественникъ, прибывшій прямо съ сѣвера въ Александрію, найдетъ гораздо болѣе новаго и возбуждающаго интересъ, чѣмъ тотъ кому пришлось уже познакомиться съ настоящимъ востокомъ. Населеніе всѣхъ городовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Средиземнаго моря, можетъ разсматриваться какъ весьма смѣшанное, но нигдѣ нѣтъ такого вавилонскаго смѣшенія, какъ въ Александріи.

Рядомъ съ только что высадившимся съ пакетбота англичаниномъ, дѣлающимъ неимовѣрныя усилія къ тому, чтобы сохранить свою обычную манеру спокойнаго пренебреженія ко всему окружаю-

щему, встрѣчается чистокровный турокъ, хладнокровіе котораго, очевидно до извѣстной степени возмущено видомъ столькихъ невѣрныхъ, помраченныя головы которыхъ покрыты этими удивительными парижскими колпаками. Кругомъ цѣлая толпа арабовъ, нубійцевъ, грековъ, мальтійцевъ, евреевъ и европейцевъ всѣхъ націй. Выдержавъ съ честью борьбу съ мальчишками, погонщиками ословъ, посреди шума и руготни, сравнительно съ которой брань ньюйоркскихъ извожиковъ могла бы показаться салоннымъ разговоромъ, мы, прибывшіе на „Сицилію“, оказались сидящими верхомъ на взрослыхъ ослахъ, ростомъ около трехъ съ половиною футовъ.

Въ качествѣ бывалаго я долженъ былъ изображать собою чичероне. Оставивъ европейскій кварталъ, мы пустились по узкимъ, немоощнымъ, грязнымъ улицамъ къ городской стѣнѣ. Въ воротахъ стоялъ караулъ египетскихъ солдатъ, жирныхъ, на видъ лѣнливыхъ, одѣтыхъ въ зуавскіе мундиры и вооруженныхъ усовершенствованными винтовками системы Ремингтона. Выбравшись изъ воротъ мы проѣхали мимо заброшеннаго неогороженнаго кладбища, надгробные памятники котораго въ увѣнчаны мраморными тюрбанами и фресками, и добрались до вершины плоскаго холма, возвышающагося футовъ на сто надъ поверхностью моря. На вершинѣ этой стоитъ совершенно особнякомъ колонна изъ краснаго полированнаго гранита. Высота колонны, съ пьедесталомъ и капителью включительно, простирается до 98 футовъ. Толщина у основанія до десяти футъ, сверху же колонна нѣсколько утончается. Капитель весьма тщательной отдѣлки и, надо думать, предназначалась къ тому, чтобы поддерживать какую-нибудь статую.

Относительно древности и происхожденія этой колонны ученые разнятся въ мнѣніяхъ. Одни утверждаютъ, будто она была воздвигнута во второмъ вѣкѣ по Р. Х. римскимъ префектомъ въ Египтѣ, другіе же считаютъ ее за остатокъ длинной колоннады, составлявшей фронтонъ храма, построеннаго за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры. Насъ незамедлила окружить толпа дѣтей, которые про-